

Афанасий ЯРУШЕВИЧ

КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН
ИВАНОВИЧ
ОСТРОЖСКИЙ
И ЛИТОВСКАЯ РУСЬ

НЕВЕДОМАЯ
РУСЬ

Неведомая Русь

Афанасий Ярушевич

**Князь Константин Иванович
Острожский и Литовская Русь**

«ВЕЧЕ»

1897

УДК 94(7)
ББК 63.3(2)43-44

Ярушевич А. В.

Князь Константин Иванович Острожский и Литовская Русь /
А. В. Ярушевич — «ВЕЧЕ», 1897 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-5784-5

Исследование белорусского историка и педагога А. В. Ярушевича (1867 — 1918/1924) представляет собой единственную в своем роде попытку написания биографии военного и государственного деятеля Великого княжества Литовского XV столетия — князя Константина Ивановича Острожского. Одаренный военачальник, искренне преданный своей вере, сыграл немаловажную роль не только в деле защиты русского населения Литвы и противостоянии татарским набегам, но и в войнах между Московским и Литовским княжествами. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(7)
ББК 63.3(2)43-44

ISBN 978-5-4484-5784-5

© Ярушевич А. В., 1897
© ВЕЧЕ, 1897

Содержание

К изданию 2025 года	6
Предисловие	9
Источники	12
Акты	12
Летописи	15
Сказания	17
Пособия	18
Глава I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Афанасий Ярушевич
Князь Константин Иванович
Острожский и Литовская Русь**

Серия «Неведомая Русь»

© С. Ермаков, предисловие, комментарии, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

К изданию 2025 года

Афанасий Викентьевич Ярушевич (1867–1918/1924) родился в Виленской губернии в семье псаломщика. Окончив с отличием Виленскую духовную семинарию, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. После завершения образования начал педагогическую карьеру. Преподавал в Виленском духовном училище, Смоленской духовной семинарии. В сентябре 1907 года стал директором первой в Беларуси Молодечненской учительской семинарии.

К научной работе пристрастился еще в студенческие годы, когда был учеником Михаила Кояловича и Платона Жуковича. Ярушевич, двигаясь по следам своих наставников, примкнул к так называемой школе западнорусистов. Сторонники этого течения рассматривали белорусов как этнографическую группу единого общерусского народа, каковой подход отчетливо прослеживается и в принадлежащей перу А.В. Ярушевича первой попытке написания биографии яркого военного и государственного деятеля Великого княжества Литовского – князя Константина Ивановича Острожского. Книгу эту много (и часто вполне обоснованно) критиковали, но, тем не менее, труд Ярушевича заслуживает внимания и сегодня, ведь он посвящен действительно яркой исторической личности и, по сути, остается единственной биографией князя.

Большинству читателей имя К.И. Острожского мало что скажет; лишь те, кто интересуется становлением единого Русского государства с центром в Москве, сложным временем рубежа XV и XVI веков, скорее всего, кивнут с узнаванием, – но и они едва ли особо много знают о герое исследования Ярушевича.

Итак, несколько слов о контексте эпохи. На землях Владимиро-Суздальской Руси продолжается формирование единого государства. Великое княжество Московское набирает силу и претендует на власть над всеми землями, входившими в состав Древней Руси (и не только). Одновременно на западе и юго-западе от Москвы с XIII века существует еще одно, тоже в значительной мере русское, государство – Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское. Оно включает все земли нынешней Белоруссии, значительную часть Украины, часть территории Польши, а также западные земли современной России, в том числе Смоленск, Брянск и Курск. С 1386 года Великое княжество Литовское находилось в унии с Королевством Польским, отчего нередко говорят о Польско-Литовском государстве.

Два государства, история которых восходит к одному истоку – Древней Руси, были обречены на противостояние. И дело не только в том, что многие правящие роды вели происхождение от легендарного Рюрика, но прежде всего, конечно, в экономических причинах.

Кроме того, проблема в значительной мере отягощалась очень важным для того времени фактором, а именно религией. Граница между «своими» и «чужими» в Средневековье проходит именно здесь. Национальность не так важна, как вероисповедание, принадлежность к определенной конфессии. Люди того времени в массе своей действительно веруют, искренне убеждены в спасительности именно своего выбора, экономика для них в значительной мере вторична (даже если в действительности это не так).

В Великом княжестве Литовском вопрос отношений между православными и католиками стоял очень остро, особенно если учесть, что у власти по большей части находились последние. Католическая церковь упорно стремилась перетянуть на свою сторону православных верующих, подчинить «схизматиков», не признающих римскую версию филиокве и главенство папы. В ход идут буквально все средства, от уговоров и унии до прямых репрессий, а потому вопрос защиты русского православного населения разных сословий стоит остро...

А тут еще сугубо православная Московская Русь рядом.

И вот два великих княжества, Московское и Литовское, вступили в нешуточную борьбу друг с другом. Впрочем, и контакты, и конфликты шли издавна, ещё с XII–XIII веков, когда

суздальские, смоленские или галицкие князья помнили, что они находятся в близком родстве, что не мешало им по-родственному устраивать кровавые разборки.

В 1478 году Великий князь Московский Иван III присоединяет новгородские земли. Новгород Великий, богатый торговый город, когда-то даже не относивший себя к Руси, подчиняется новому властному центру, пусть, что называется, со скрипом. Через два года, в 1480-м, Москва окончательно избавляется от власти Орды. Татарская угроза остается, но «выход» уже платить не нужно. Появляется возможность экспансии, и вполне логично обратить взгляд на Запад, на старые русские земли, где живет «свое» население.

В 1487 году началась так называемая Пограничная, или Странная, война. Необъявленный конфликт с Москвой, к которому Литва, по сути, не готова, длится на протяжении долгих лет с переменным успехом. И немалую роль в нем суждено будет сыграть К.И. Острожскому.

Род Острожских известен с середины XIV века, но, скорее всего, это ветвь князей Пинских и Туровских, происходивших от Святополка II Изяславича, правнука Владимира Святого. Рано осиротевший княжич воспитывается боярами и старшим братом Михаилом. С 1486 года он с братом находится при дворе Великого князя Литовского Казимира, рано проявляя себя как одаренный военачальник. Особенно ярко раскрывается его талант в борьбе с татарскими набегами на южные границы Литвы. Защищают государство по большей части именно русские люди, населявшие эти территории. Руководит обороной от татар князь К.И. Острожский, он вырабатывает тактику боевых действий, которая приносит успех. Его военные удачи немало способствуют возвышению «русской партии» в Литве. С 1497 года Острожский – великий гетман (то есть главнокомандующий) Великого княжества Литовского.

Но разгорается новый этап войны с Москвой. В 1500 году в битве у реки Ведроши литовское войско потерпело неудачу. В плен попали немало знатных людей, в том числе и К.И. Острожский. Впрочем, о плене, переходе на службу Москве, побеге и возвращении на родину лучше прочитать в самой книге.

Вернувшись, Острожский вновь занял пост великого гетмана, продолжая противостоять и татарским набегам, и усилиям Москвы. Отмечают, что в стесненных условиях тогдашней Литвы он даже нередко тратил собственные средства на снаряжение и обеспечение войска. Самой яркой его удачей, несомненно, стало поражение, нанесенное московским отрядам под Оршей осенью 1514 года, когда Острожский смог обратить в бегство восьмидесятитысячную армию московского князя. По возвращении в Литву по особому распоряжению короля Сигизмунда 3 декабря он был почтен торжественным триумфом – случай для того времени уникальный.

Конечно, с точки зрения Москвы Острожский был изменником, нарушителем данного слова, клятвоступником. Но если вспомнить, что сменить сторону его заставили силой, добиваясь цели особо жестоким обращением, то поступок князя, который стремился вернуться на родину, к семье, вполне объясним. В любом случае судить о событиях пятисотлетней давности, опираясь на мнение только одной стороны, да еще по нынешним меркам, едва ли правильно.

В любом случае Острожский остается выдающимся военачальником, одно имя которого заставляло татар прекращать набеги и поворачивать назад, как было, например, в 1516 году.

Если верить летописям, то Острожский выиграл более 60 сражений, а проиграл всего два или три. Так ли это? Вопрос очень сложный. Да, он знал и поражения. Часть из них случились не по его вине, а, например, из-за особенностей военной и государственной организации Великого княжества Литовского (1517 г.). Выяснить, сколько их было на самом деле, – задача уже современных историков.

С 1520-х годов князь Острожский все меньше воюет и все больше внимания уделяет обустройству собственных дел и прилагает титанические усилия, направленные на укрепление позиций православной церкви. На этой стезе он, используя свое влияние, добился больших

успехов. Обширные связи и высокий авторитет князя позволили ему активно содействовать улучшению жизни русского населения, возводить новые храмы, защищать «старину».

Можно по-разному относиться к К.И. Острожскому, как и к любому другому историческому персонажу, тем более – жившему несколько веков назад. Несомненно, князь был сыном своего времени, и в силу этого оценивать его деяния современными мерками затруднительно. Но не отдавать должное его полководческим талантам и преданности идеалам, которые в то время выражались в первую очередь через связь с религией, в любом случае будет ошибкой.

Кроме того, рассказ о жизни князя открывает перед нами ту часть процесса становления будущей Большой России, о которой мы знаем сравнительно немного.

С. Ермаков

Предисловие

Сказала бы всякие речи с часом старост, кгда бы вчинки людские, которые ж с прироженья своего конец мают, не были через листы упевнены и годным сведетством к пришлой ведомости знакомичены...

Про то годно есть послуги освецоного княжества у памяти держати и добрую заплату чинити...

Из грамот Сигизмунда I Полоцку и К.И. Острожскому

При научных беседах с людьми интеллигентными нас несколько удивлял тот факт, что под именем Константина Острожского обыкновенно подразумевался Константин Константинович, известный долголетнею борьбой за православие воевода киевский. Отец же его, Константин Иванович, всегда оставался и остается почти неизвестным, а между тем он боролся за православие не меньше сына, и во всяком случае гораздо успешнее. Только такие светила русской исторической науки, как Карамзин, преосв. Макарий и Соловьев, уделяют ему по несколько строк, а для менее видных ученых Константин Иванович остается большей частью в тени, а иногда объединяется с личностью своего сына.

Причину неизвестности отца и славы сына мы усматриваем в различии эпох их жизни. Богатая событиями и поэтому разработанная эпоха 1550–1608 гг., на которую падают распространение в Литве протестантства, введение иезуитов, политическая и церковная унии, борьба Иоанна Грозного со Стефаном Баторием, составляет резкий фон, на котором сильно обособляются отдельные личности, часто и не так богатые духовными силами. Эпоха же Константина Ивановича, если ограничиться беглым обозрением ее, не блещет событиями, не выделяется резкостью скачков народной жизни, носит на себе будничность колорит. Не говорим о сравнительной древности и аналогичности обеих эпох – борьбе с татарами, Москвой, попытках к церковной и политической унии.

Но если внимательнее рассмотрим во внутренний ход жизни эпохи Константина Ивановича Острожского, то увидим, что его жизнь и деятельность падает на весьма знаменательный и вместе весьма печальный период исторического развития Литовско-Русского государства.

Последнее переживало эпоху полной ломки внутреннего строя жизни, замены старых традиций, старых начал новыми, прямо враждебными прежним, – эпоху, когда ясно выставлялось на вид, что латинско-польские начала должны господствовать и заменить собою начала греко-русские, что культура католического Запада должна заменить культуру православного Востока хотя и не ясно, но ощутительно, выставлялась правительственная программа: общая нивелировка по латинско-польским образцам. Понятна поэтому важность эпохи: в борьбе коренных русских и польско-латинских начал резче, чем когда-либо в другом случае, выставлялись и разъяснялись старые и новые основы жизни с одной стороны, с другой – столкновение и враждебность начал, олицетворяясь в личностях, людях активной борьбы, выдвигали весьма характерных деятелей, носителей тех или других начал жизни, деятелей, то поражающих цельностью своего характера, служения своей идее, то колеблющихся и не могущих найти выхода из созданной исторической жизнью дилеммы.

Интерес к этому далекому времени увеличивается еще и тем обстоятельством, что борьба только начиналась и обе стороны были почти равносильны. Если сторона православно-русская подавляла пассивною численностью и стремилась только сохранить в возможной чистоте начала своей внутренней жизни, то сторона латинско-польская превосходила ее энергией, жадной пропаганды, активностью и внешнею, показною, культурностью. Эти качества враждебных сторон создали борьбу, обострили ее и чрез несколько столетий привели Польско-Литовское государство к полному ослаблению внутренних сил и к политической смерти.

Впрочем, тогдашнее литовское правительство не могло всегда и неуклонно следовать своим принципам. Латино-польская программа его должна была считаться с целым рядом сопротивлений со стороны громадного большинства его подданных – с одной стороны, с другой – с притязаниями Польши на Волынь и Подолье. Отсюда в политике правительства являлась двойственность: в первом случае оно опиралось на латино-польский мир, во втором – на русскую народность, душу литовского государственного организма... Вот почему литовские князья по возможности устраняли обострение этой борьбы и по временам сами становились на сторону православно-русских, тем более что многие коренные литовцы, усвоив латинство, проявляют самобытное, в русском духе, государственное самосознание и, будучи по вере католиками, с глубокой ненавистью относятся ко всему польскому (Лелюш, Мартин Гаштольд, Иван Семенович Сапега и др.).

Сообразно таким течениям и политика правительства, с Ягайло до Сигизмунда III, не была устойчивою. За грубым прогрессом латинства при Ягайло последовала значительная реакция в пользу православных при Витовте. Если Сигизмунд Кейстутьевич сильно склонялся к латино-полонизму, то Литовская Русь выдвинула Свидригайло с его смертельной ненавистью ко всему польскому. Убиение Сигизмунда за его полонофильство заставило Казимира держаться более примирительной политики; колебания Александра между двумя враждебными лагерями сопровождаются потерей трети всей территории Литовского княжества, полным ослаблением народного патриотизма, совершенным истощением финансовых и военных средств страны. Этот печальный факт, образумивший Александра, заставил Сигизмунда I дать православным возможно полную политическую и религиозную полноправность. Такова, в кратких чертах, политика литовского правительства по отношению к своим русским подданным.

С своей стороны православные поняли цели правительства, как скоро оно обнаружило их (при Ягайло), и не остались спокойными зрителями. Полная глубокого драматизма борьба за религиозную и политическую равноправность идет с лишком столетие, после чего из среды православных выдвигаются такие лица, которые сумели смягчить борьбу и мирными средствами доставить русской национальности сравнительную свободу вероисповедания и почти полную гражданскую полноправность.

Главною такою личностью является князь Константин Иванович Острожский, который, при содействии других лиц, надолго задержал усиление, насчет русских, латино-польских принципов. Последние получают безусловное господство только с 1560-х годов, после чего православие надолго занимает место гонимого вероисповедания.

Из сказанного видно, насколько интересно в историческом отношении время жизни кн. К.И. Острожского, т. е. конец XV и начало XVI века. В Западной Европе это время ознаменовалось именами Гутенберга, Савонаролы, Колумба, Коперника, Лютера, Карла V. Их идеи проникали в Литву; в борьбу латинских и греческих начал привносился новый дух, новое веяние, давшее осязательный плод несколько позднее. К сожалению, давность эпохи препятствует более или менее полному изучению ее; сказания о ней скудны и темны; далеко не многочисленные литературные памятники сбивчивы и односторонни. В московско-русских летописях – отдельные отрывки и заметки, почти не проливающие света на дела этой далекой эпохи; из летописей литовско-русских только две касаются этого времени – так называемая Супрасльская и Быховца; летописи польские, современные, хотя и носят заглавие «Хроник Польши и Литвы», но почти всецело заняты первою, о Литве же говорят мимоходом. Счастливым исключением является летопись Стрыйковского, хотя и не современная, но писанная вскоре после этого периода и, что ценнее всего, лицом добросовестным. Положим, сохранилось сравнительно много актов, грамот, записей, судебных актов, касающихся купли, королевских пожалований, юридических уставов, но все это написано по одному образцу, по одной форме, сухо и официально, так что вносит весьма мало света во внутреннюю, интимную жизнь современни-

ков, доставляет весьма немного данных для суждения о том, чем жило современное поколение, что думало оно и как думало. Вообще, за отсутствием частной переписки, подробных судебных актов, завещаний и т. п., не только трудно вникнуть во внутренний ход жизни данного времени, но подчас даже восстановить внешнюю последовательность явлений, их причинную связь и зависимость. Поэтому в суждениях о данной эпохе всегда приходится быть особенно осторожным в выводах и не ручаться за правильность своего суждения в каком-либо отдельном случае.

Сказанным определяется цель и задача нашего труда: проследить шаг за шагом глухую борьбу за православие и русскую народность, оценить услуги православно-русскому делу наиболее выдающегося деятеля этой эпохи, кн. Константина Ивановича Острожского, обозреть его труды на пользу православной церкви и выяснить на положении его как представителя западнорусов положение и значение русских в Литве того времени. И если справедливо, что выдающийся человек является носителем и олицетворением запросов своего времени, мы думаем, что такое понимание нашей задачи вполне соответствует существу дела и что задача нашего труда разрешилась бы сама собою, если бы было возможно дать полную и всестороннюю биографию кн. К.И. Острожского.

Литература исследуемого вопроса представляется в следующем виде:

Источники

Акты

1. Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków W Sławucie. Lwow, I–III, 1887–1890. Весьма много самых ценных данных из нашей эпохи; много актов касаются лично К.И. Острожского; акты III т. почти исключительно экономического характера.

Издание, безукоризненное во всех отношениях, – по распределению материала, способу издания, научности критических приемов и т. д.

2. Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I–II, в цитатах – Акты З.Р.

Особенно важен второй том, почти на девять десятых состоящий из грамот рассматриваемого периода. Грамоты подобраны весьма хорошо, и в издании почти нет исторического хлама. К числу недостатков принадлежат: произвольное датирование грамот, отсутствие проверки дат по индикту, месту и подписям, и грамматически правильная великорусская транскрипция литовско-русских актов.

3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. I–II, в цитатах – Акты Ю.З.Р. Ценность издания для нашего периода по количеству и качеству материала ниже предыдущего номера, способа же издания несколько лучше. Странна и вводит в заблуждение прибавка «и Западной», так как акты почти всецело относятся к истории Южной России, особенно в дальнейших томах.

4. Сборник Императорского русского исторического общества, т. XXXV. 1882. Бесконечные пересылки Литвы с Москвой в период 1487–1532 гг. Издание обстоятельное, хотя и не вполне: пропуски в посольстве 1501 года, очень важном для нашей работы, произошли от непрочтения малоразборчивой рукописи Импер. публ. библиотеки (Русск., IV, 70, т. III).

5. Дополнением к этому тому «Сборника» служит I т. «Памятников дипломатических сношений Древней России с державами иностранными», СПб., 1851.

6. *Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów...* I–II. Wilno, 1860–1862.

Представляет собою указатель того, что автору было известно из летописей и документов относительно того или другого события; по годам приведены сказания летописей, хроник, грамоты, акты и т. п., иногда целиком, иногда же в изложении. Для нас важен второй том, в котором много грамот даже из иностранных архивов. К датам нужно относиться с большой осмотрительностью.

7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России, тт. I–XI, в цитатах – Виленский археограф. сборник.

Издание отличается ценностью, систематичностью и удачным подбором актов; недостатки те же, что и в издании Актов Зап. России. Актов нашего периода немного, и разбросаны они в разных томах, соответственно содержанию.

8. Акты Виленской археографической комиссии, тт. I–XXI.

Актов нашего периода немного; часть их – перепечатка из предыдущих изданий. Способ издания крайне неудобен, критической обработки актов почти нет, цельности и подбора – тоже: акты издаются по архивам судов бывшего княжества, почему в издание вошло много актов без особенного научного значения и почему экскурсия в это издание очень затруднительна, тем более что и указатели не всегда верны. Впрочем, последние тома изданы довольно хорошо и обстоятельно.

9. *Malinowski i Przewdziecki. Źródła do dziejów Polskich.* Т. II. Wilno, 1844.

Издание сравнительно хорошее, несмотря на то что русские документы напечатаны польским шрифтом. По нашей теме немного, но находящееся оригинально и довольно важно.

10. Памятники, изданные Временной комиссией при киевском генерал-губернаторе, т. IV.

Для нас важны помянники Дубенский и Дерманский, опись Кременецкого замка и некоторые небольшие документы. Текст издан хорошо; примечания устарели.

11. Архив Юго-Западной России, ч. I, т. I и VI.

Несколько ценных грамот из рассматриваемой эпохи.

12. Собрание древних грамот городов Вильны, Ковны, Трок... Вильна, 1843.

Очень хорошее, интересное издание с добросовестно напечатанным текстом. Хронология иногда запутана.

13. *Baliński i Lipiński. Starożytna Polska...* Wyd. II, t. I–IV, Warsz., 1885–1888.

Ценно статистическими данными и немногочисленными грамотами, извлеченными из Литовской метрики и костельных архивов.

14. *Любавский*. Областное деление и местное управление в Литве до введения Статута 1529 г.

Чтения Моск. ист. общ., 1892, III–IV и отд. издание. Вторая половина этого труда, основанного на первоисточниках, много послужила нам для проверки хронологических дат и уяснения вопроса о поступательном движении русских начал в коренной Литве.

15. *Boniecki. Poczet rodów w Koronie i W. Ks. Litewskim XVI wieku.* Warsz., 1887.

Прекрасное, основанное на первоисточниках, справочное издание.

16. *Teiner. Vetera. Monumenta Poloniae et Lithuaniae.* Т. I–II. Romae, 1860.

Важны грамоты по вероисповедным вопросам нашего периода.

17. *Turgenevius. Historica Russiae Monumenta ac Supplementum.* СПб., 1849.

Данные о православии в Галиции.

18. *Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis.* Т. I, p. I. Leopoli, 1895.

19. *Bielowski. Monumenta Poloniae Historica.* I–III. Lwów, 1864–1879.

На нашу тему – только третий том; издание очень хорошее, кропотливость и старательность научной обработки удивительны.

20. Московский архив Министерства юстиции.

В нем находится Литовская метрика, значение, которой для разрабатываемого нами периода так велико, что превосходит все указываемые первоисточники. Наш период представлен 18 «Книгами записей», восемью «Судных дел», одной «Публичных дел» и несколькими частными актами – всего до 8 тысяч листов. Наиболее важны IV–XIV «Книги записей». Книги Литовской метрики приведены в образцовый порядок, рукописи хорошо сохранились, Архив имеет хорошо подобранную для научных справок библиотеку – все это много содействует успешности и правильности занятий. Сравнительно многое напечатано, особенно в Актах Зап. России, поэтому мы цитируем такие грамоты по изданиям.

21. Виленский центральный архив.

Немногочисленные важные грамоты из нашего периода почти все напечатаны. Но мелкие продажные записи, подробные судебные дела и т. п. дали нам возможность ознакомиться с духом времени и тем удивительным уважением, какое возбуждала личность К.И. Острожского у близких к нему по времени людей.

22. Архив греко-униатских митрополитов при Св. Синоде.

Грамот нашего периода очень мало; две принадлежат лично К.И. Острожскому.

23. Главный Московский архив Министерства иностранных дел.

Из нашего периода в нем находится несколько грамот, да и те не особенно важны в исторически-бытовом отношении.

24. Рукописное отделение Импер. публ. библиотеки.

Почти все, относящееся к нашему периоду, напечатано; некоторые рукописи важны для характеристики деятелей пятидесятих годов XVI столетия.

25. *Зельверович*. Литовская метрика. Т. I. СПб., 1883.

Небольшое, но прекрасное и безупречное, издание. Полемическая цель автора (о способе издания актов Метрики – с Пташицким), возвысив качественную сторону его труда, сократила до минимума количество материала.

26. Такого же характера, но более полное издание – *Леонтович*, Акты Литовской метрики, т. I, вып. I, 1413–1498 гг., Варшава, 1896. Издание очень интересное и научное; впрочем, есть ошибочные хронологические указания (акты 8, 225, 405) и неправильное восстановление сокращений (в акте № 379 – Федор Гричевич, нужно – Федько Григорьевич и др.).

27. *Лебединцев*. Материалы для истории Киевской митрополии. Киевск. епарх. вед. за 1873 г. Несколько очень ценных актов, взятых из Литовской метрики.

28. *Skarga*. Prawa i Przywileje, od krolów nadane obywatelom Korony Polskiej i W. X. Litewskiego... greko-unickim. Wilno, 1632.

Весьма редкое издание, заключающее в себе довольно много грамот, интересных не по оригинальности, но по тенденциям интерпретатора.

29. Ревизия пущ и переходов звериных в бывш. В. кн. Литовском. Вильна, 1867. Издание это важно в том отношении, что показывает, какую сплошную массу жило православное население в Литве; кроме того, оно важно для проверки хронологических дат.

30. Собрание Государственных грамот и договоров, т. I.

Акт присяжной записи К.И. Острожского вел. кн. Василию Ивановичу.

31. *Муханов*. Сборник. Москва, 1832.

Очень обилён по количеству материала, большая часть которого издана позже и лучше.

32. Собрание древних грамот Минской губернии. Минск, 1848.

Как по количеству материала, так и по научной ценности его, это издание ниже однородного Виленского.

33. *Антонович*. Грамоты Великих князей Литовских. Киев, 1868.

На тему мало: речь идет по преимуществу о Малороссии позднейшего времени.

34. *Krupowicz*. Zbiór dyplomatów do dziejów Litwy. Wilno, 1858.

Польско-русское издание Виленской археографич. комиссии – в польском духе. Бедность содержания может быть приписана тенденции.

35. *Volumina Legum*. Т. I. СПб., 1859.

36. *Добрянский*. Описание рукописей Виленской публ. библиотеки. Вильна, 1882.

Издание очень хорошее и полезное для общего представления об эпохе.

37. *Петров*. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1874–1878.

Хороший справочный указатель для истории киевских монастырей. Нового сравнительно мало.

38. *Батюшков*. Памятники старины в западных губерниях и Атлас. I–VIII. СПб., 1868–1885.

Очень полезное, иногда незаменимое, издание. Из статей для нас весьма важна «История Вильны» Васильевского; к сожалению, она без ссылок и цитат, особенно необходимых ввиду заявления уважаемого автора о том, что он писал по первоисточникам.

39. *Голубев*. Петр Могила. Т. I, Киев, 1883. Приложения: материалы для истории западнорусской церкви.

40. *Григорович*. Белорусский Архив древних грамот. Москва, 1824.

Хотя часть документов перепечатана в позднейших изданиях, но «Архив» имеет еще свою цену для истории Могилевской губернии и православной церкви в Риге.

Летописи

41. Полное собрание русских летописей. I–XVI.

Данных для нашего труда мало; летописи великорусской редакции к К.И. Острожскому относятся очень враждебно.

42. Летопись Быховца, напечатанная польским шрифтом, под заглавием «Pomniki do dziejów Litewskich». Wilno, 1846. Автор – современник, хорошо осведомлен относительно событий, почему сказания этой летописи очень ценны. К сожалению, она доведена только до сентября 1506 года – оканчивается подробным описанием победы М. Глинского под Елецком. Хронология сбивчива и оригинальна.

43. Супрасльская летопись. Москва, 1836.

Также современная, но очень краткая. Интересна «похвала» К.И. Острожскому по частному поводу Оршанской победы. Автор – вольнец, лицо духовное, начитан в тогдашней литературе, но при этом, что очень ценно, наивен и простодушен.

44. Летописец Архангелогородский. Москва, 1781.

Своеобразная редакция сказаний о литовских событиях; много интересных подробностей.

45. *Dlugossii. Historia Polonica. Lipsiae, 1711.*

Полезна для характеристики времени; доведена до 1480 года.

46. *M. Меховий. Chronica regni Poloniae, в «Corpus Polonicae Historicae». Basiliae, 1582.*

Современная; доведена до 1505 г.; говорит преимущественно о польских делах.

47. *Decius. De Sigismundi regis temporibus. Kraków, 1521.*

Полулетопись, полусказание. Ценна как свидетельство современника-панегириста для современников. Речь идет, главным образом, о Польше, Венском съезде 1515 г., придворных торжествах и победах. Деций излагает все летописно, и его сказания почти буквально излагаются у Стрыйковского. Рассказ доведен до 1516 года.

48. *Wapowski. Dzieje królestwa Polskiego, во втором томе, «Scriptores rerum Polonicarum. Kraków, 1874.* Характер хроники Меховия; доведено до смерти автора, т. е. 1535 года. Хотя он был современником, но изложил все так неисправно, что Сигизмунд I убеждал Станислава Гозия выправить его хронику, «quam is imperfectam atque rudiusculam reliquit». Для той части хроники, которая обнимает наш период, этот отзыв несколько строг, ибо сказания Ваповского лучше хроники Меховия.

49, 50. *M. Cronierus. De origine et rebus gestis Polonorum и Polonia, sive de situ, populis, moribus... Coloniae, 1578.*

Первое сочинение не так важно и доведено до 1505 г. Второе же, очерк внутренней жизни, хорошо рисует официальную сторону административной жизни и внешнюю, показную, жизнь Польши и Литвы.

51. *Bielski. Kronika wsystkyego swyata. Изд. II. Kraków, 1554.*

Кратко о Литве, но уже гораздо обстоятельнее вышеуказанных польских хроник; встречаются важные подробности и оригинальные указания.

52. *Sarnicius. Annales...; Orichovius и Corncovius – во II т. Длугоша. Historia Polonica. Lipsiae, 1711.*

53. *Górnicki. Dzieje w Koronie Polskiej, Dworzanin Polski etc. В «Zbior pisarzow polskich», Warsz., 1828–1829.* Хорошо обрисована жизнь шляхетского сословия.

54. *Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka I wszytkiej Rusi. Warsz., 1846.*

Наиболее ценна для нас из всех польско-литовских летописей как по количеству материала, так и по симпатиям автора к Литве и православной Руси. Сличение этой летописи со сказаниями Деция, Герберштейна и летописью Быховца заставляет нас относиться к Стрый-

ковскому с гораздо большим вниманием, чем это принято. Даже риторические прикрасы мы ценим совершенно иначе: нам важна не их историческая достоверность, а то, как смотрел и представлял себе дело хорошо осведомленный человек, отделенный от изучаемого нами периода 40–50 годами.

55. *Guagninus. Sannatiae Europaeae descriptio. Spirae, 1581*; второе польское, дополненное самим автором, издание. Kraków, 1611.

Доведено до 1576 г. Очень сходна с хроникой Стрыйковского; интересна описательная часть.

56. *Scriptores rerum Polonicarum. I–III. Kraków, 1872–1875.*

Кроме хроники Ваповского и вариантов Меховия, помещены отрывки русских, немецких и венгерских летописцев.

57. Софийский временник. Т. II. Москва, 1820.

58, 59. *Kojalowicz. A. Miscellanea rerum, ad statum ecclesiasticum in M.D. Lituaniae pertinentium. Vilnae, 1650. Historia Lithuaniae. Gedani, 1650. II vol. Antverp., 1669.*

Хотя это и обработка, но, ввиду летописного характера сочинения и некоторых оригинальных сказаний, оба сочинения мы относим в отдел первоисточников. Научная ценность их (для нашего периода) сводится к иезуитскому освещению фактов.

60. Такого же характера и «*Stebelski. Żywoty S.S. Eufrozyny i Paraskiewij z genealogią książąt Ostrogkich. Wilno, 1781–1783; Lwów, 1866–1867; I–III.*

61. *Кальнофойский. Teraturgima lubo cuda... Kiów, 1635.*

Данные из надгробных надписей и памятников Киево-Печерской лавры.

62. *Wolff. Kniaziowie Litewsko-Ruscy. Warszawa, 1895.*

Очень полный свод данных об исторически известных князьях, преимущественно в имущественном и служебном отношениях. Кн. Острожским уделено около 18 страниц. Пользоваться этим трудом Вольфа (равно как и подобным же – *Senatorowie i Dygnitarze wielkiego księstwa Litewskiego, Kraków, 1885*) приходится осторожно, ибо, с одной стороны, автор равно пользуется как солидными научными изданиями, так и трудами Несецкого, Стебельского, Нарбута, с другой – пользуясь по преимуществу польскими источниками, часто противоречит сам себе (напр., ср. с. 128 и 217 о кн. Лукомском и Головчинском, 237 и 242 – о воеводстве Минском и др.). Во всяком случае, этот труд весьма важен при изысканиях в области литовской истории, благодаря, главным образом, весьма частым заимствованиям из рукописей Литовской метрики.

Сказания

63. *Герберштейн*. Записки о Московии. СПб., 1866.

Ценность сочинения известна; для Литвы сравнительно мало данных.

64. Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836.

Редкие заметки о Литве, полны глубокого интереса.

65. *Жильбер де Лануа*. Извлечения из него, см. Вестник Зап. России, 1867. VII.

Хотя путешествие Лануа относится к первой пол. XV в., тем не менее, очерки его важны для представления о внутреннем состоянии Литвы. Полным текстом сочинения мы не могли воспользоваться по крайней редкости (Отд. издание было отпечатано в кол. 100 экз.; польский перевод – *Bibliotheka Warszawska*, 1840.)

66. Сказания кн. Курбского. Изд. II. СПб., 1842.

Помимо перечисленных первоисточников, мы пользовались многими другими, преимущественно для более близкого ознакомления с эпохой. Таковы: Русск. истор. библиотека, тт. IV, VII и XIII, *Latorisiec Litwy, Daniłowicz'a*, Акты археогр. экспедиции, т. I, Российская вивлиофика Новикова, т. V и XIV, и нек. др.

Пособия

Макарий. История Русской церкви. Т. IX. СПб., 1879.

Соловьев. История России. Т. V. Изд. I. Москва 1855.

Pelesz. Geschichte der Union der ruthemscher Kirche mit Rom. I–II. Wien, 1878–1880.

Szujski. Historyi polskiej... Ksiąg dwanaście. Warsz., 1889.

Карамзин. История госуд. Российского. V–VII. Изд. II. СПб., 1819.

Jaroszewicz. Obraz Litwy. I–III. Wilno, 1845.

Narbutt. Dzieje starożytne narodu Litewskiego. VIII–IX. Wilno, 1841.

Евгений. Описание Киево-Софийского собора.

Kraszewski. Wilno od początków jego... I–IV. Wilno, 1840–1842.

Иловайский. История России. Т. III. Москва, 1890.

Карпов. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. Москва, 1867.

Статьи и заметки в «Вести. Зап. России», «Киевской старине», «Волынских епарх. и губернских ведомостях», «Чтениях Моск. общ. истории и древн. российских», «Холмском епарх. вестнике», «Трудах Киевской дух. академии» и т. д.

Сочинения: *Dubowicz*. Hierarchia... Lwów. 1644; *Paprocki*. Herby rycerstwa Polskiego; *Kulczynski*. Specimen Ecclesiae Ruthenicae et Appendix, Romae, 1733–1734; *Albertrandi*. Panowanie Kazimierza, Iana Alberta i Alexandra Jagełłończyka, 2 tt., Warsz., 1826–1827; *Зубрицкий*. Летопись Львовского братства и, особенно, Галицкая Русь в XVI ст., Чт. Моск. общ. ист. и древ. р., 1862, III; *Fabicz*. Wiadomość o legatach i nuncyuszach apostolskich, Ostrów, 1866; *Przyalgowski*. Żywoty biskupów Wilenskich, 2 tt., S.-Petersb., 1860; *Толстой*. Римский католицизм в России, 2 т.; статьи проф. Петрова в «Волынских и Киевских епарх. ведомостях»; *Дашкевич*. Борьба культур и народностей в Литовско-Русском государстве, Киевск. унив. изв., 1884, X–XII, и многие другие сочинения и статьи, имеющие отношение к разрабатываемой нами эпохе.

Глава I

Вступительная

Литовско-Русское княжество до и при Казимире. Русское население, его политическая и религиозная жизнь. Усиление латино-польского влияния и вопрос о религиозной унии. Средства защиты православия и протесты против латино-польского направления политики великих князей.

Громадная равнина, ограниченная системами Западной Двины, Днепра, Днестра, Немана, Западного Буга и берегами Балтийского и Черного морей, задолго до нашего времени составляла одно Литовско-Русское государство. Счастливые оружие Гедимины, Ольгерда и Витовта, их политическая мудрость и такт из небольшого литовского племени создали могущественное, грозное для соседей, великое княжество. Но это новое государство было могущественным только в руках названных гениальных людей, и притом только в то время, когда разрозненная и обессиленная татарскими нашествиями Русь еще не собралась в одно целое, была занята вопросами самосохранения, а не самособирания.

Причиной неустойчивости политического могущества Литвы было количественное и, так сказать, качественное отношение победителей к побежденным. Это числовое отношение коренного литовского населения к русскому выражалось 1: 10, в крайнем случае, 1: 6¹. Помимо подавляющего численного превосходства русского населения, оно было гораздо культурнее населения литовского, почему и делало среди него быстрые успехи в распространении своего языка, письменности, нравов и религии². Это обрусение Литвы шло незаметно, но верно, и сопровождалось полным согласием народностей – вплоть до Ягайловской унии с Польшей. Этой унией был нанесен решительный удар литовско-русскому согласию и силе государства, решительный не в смысле внезапного переворота – так как поступательное движение русских начал шло вперед еще около 150 лет, но в смысле перемены правительственной программы, в том, что в основу жизни Литовского государства были положены два принципа, – католицизм и уния с Польшей, тождественные с полным подчинением культуре Запада, противоречившие принципам, создавшим могущество Литовского княжества, и прямо отрицавшие культурную миссию Руси, которая до этого справедливо считала только вопросом времени превращение Литовско-Русского, одновременно языческого и православного, княжества в сплошное пра-

¹ Так как числовых данных о населении Литовского княжества не сохранилось, приходится отыскивать их косвенным путем, именно: мы считаем пространство Литовского государства при Витовте равным 714 000 кв. верст; из них на долю всей Жмуди и Литвы-Аукстоте (занимавшей часть губерний Сувалкской, Виленской и Гродненской) приходится до 69 300 кв. в. Притом же, если Волынь и Киевская область были сравнительно опустошены (обезлюдены после 1482 г.), то и Жмудь сильно была опустошена набегами ордена, так что мы полагаем приблизительно равномерное распределение населения по всему пространству Литовского княжества, а это и дает указанное в тексте пропорциональное отношение. О населении Литвы и Литовской Руси см. свидетельства: Барбаро, ок. 1479 г. (о пустынности около Трока и о сравнительной населенности у Слонима) – Библ. ин. пис. о России, I, 62; Контарини 1474 г., путь через Малороссию – Ibid., 20–24; Жильбера де Лануа – Вестн. Зап. Р. 1867, VII, 39–42; Кампенезе, о Киеве в 1534 г. – Библ. ин. пис. о Рос. 1, 19. Цифру язычников, 5 635 500, обращенных в христианство Ягайло и Витовтом, которую, со слов Петра, еп. Камаратинского, приводят Нарбут (I, 392) и Ярошевич (I, 96), мы считаем фикцией, так как она не соответствует даже современному числу жмудинов, литовцев и латышей (1 376 450 чел. в 1864 г. – Батюшков. Статист. карта Зап. – Русского края. СПб., 1864), предполагает густоту населения, в три раза превосходящую современную, и едва ли приложима ко всем литовским племенам того времени, как свободным, так и подвластным ордену.

² Как известно, литовская письменность, остатки которой, если она и была, указывает Нарбут (т. I, таблицы), не привилась и была заменена русской, которая удерживалась даже в Упите до начала XVII в., а в других местах – до второй пол. XVII в. В 1576 г. шляхта Брагавского повета просила Стефана Батория присылать ей указы на русском языке, так как польский ей непонятен. Акты З. Р. III, 187. См. Jaroszewicz. Obraz Litwy, I, 173–175 и II, 2–7.

вославное Русское государство; а теперь сама была осуждена на гражданскую и религиозную смерть.

Великое княжество Литовское в XII–XV вв.

Вслед за Ягайло латино-польскую культуру усваивают, конечно, в первичных формах, преимущественно коренные литовцы правящего класса³, так что сразу же обнаруживаются первые признаки разделения, ясно сознается различие национальностей, и Литовское княжество резко распадается на три части: Литву и Жмудь, Белоруссию и Воынь со всем югом. Первая часть, языческая Жмудь и Литва, делается все более и более католическою (по край-

³ См. фамилии в привилее 1401 г. (Vol. Leg. I, 27, по С.-Петербургу, изд. 1859 г.), где упомянуто 22 литовских и едва 6 более или менее русских фамилий; имена под Городельским актом (Ibid. I, 29–32), где на 51 литовскую фамилию приходится едва три, звучащие по-русски.

ней мере в лице высшего и среднего сословий) и вместе с католичеством усваивает полонизм; простой народ с большими трудностями обращается в католичество и сохраняет свои национальные особенности; впрочем, главные правящие жмудско-литовские роды почти вымирают: их место занимают литовско-русские окатоличенные и православные роды, получающие все больше и больше силы со времени Витовта⁴. Собственная Литва (Аукстоте) совершенно обезличивается, сливаясь или с белорусами и жмудью (простой народ), или же превращаясь в полякующих католиков (высший слой). Белоруссия, составляя главную и существенную силу Литвы, долго и упорно выдерживает напор латинства, чему содействовали соседство с Москвой, природа страны, характер населения и древнекняжеские традиции. Хуже было положение Волыни: с двух сторон (через Галицию и Подолье) на нее действовала Польша, внутренние смуты (Свидригайло) и набеги татар обессилили ее народонаселение; благодаря этому латинизация Волыни идет сравнительно быстрыми шагами⁵. Хотя эти характерные особенности трех названных частей Литовско-Русского государства и не получили дальнейшего развития, но они надолго задержали общий прогресс латинства в Литве и заставили радетелей Рима прибегнуть к сделкам и уступкам, т. е. изобрести унию. Такому положению дел содействовало то обстоятельство, что политическая уния 1386 года, как известно, долгое время была пустым звуком и не приносила реальных результатов, кроме междоусобий и обеднения государства⁶. Причиной этого был самый состав Литовско-Русского княжества, его религиозный и политический строй: языческая Жмудь нисколько не желала латинства, Русь же была прямо враждебна ему. Великие князья, имевшие твердую опору только в собственной Литве, где были сравнительно полновластными хозяевами, насаждали латинство среди потоков жмудской крови. Воздействовать на Русь им было еще труднее: причина заключалась в строе Литовской Руси, который в это время представлялся в следующем виде.

Во главе русского населения стоял ряд князей, почти на ленных правах управлявших своими округами, любимых народом, который чувствовал, что они – одно с ним по плоти и духу⁷. Слабые сами по себе, князья были сильны своим положением среди народа, своими боярами и слугами. Последних нисколько не могла привлечь новая идея шляхетства, так как они всегда, с глубокой древности, пользовались привилегированным положением. С этими мелкими князьями литовскому правительству приходилось серьезно считаться и часто поступаться своими планами и намерениями, особенно ввиду частых военных предприятий. Даже обеднение этих князей приносило мало пользы центральной власти, потому что и в этом случае князья сохраняли право патронатства, право надела и т. д., пользуясь в то же время всеми привилегиями

⁴ К концу XV в. как-то исчезают роды Довгердов, Ромбовдов, Кезгайлов, Гедиголдов, Мингайлов, Сунигайлов, а к концу XVII в. большей части литовских родов нет на исторической сцене (Монгерды, Монивиды, Монтовты, Лелюпии-Костевичи, Остики, Судимонтовичи, Довойны и др.); остаются Радивилы, Сапеги, Войны, Тальвойши (уже мелкая шляхта). Из окатоличенных родов выступают Кишки, Заберезинские, кн. Гольшанские, кн. Свирские – из русской национальности, Лелюши-Монтивиды, Сапеги – из литовской. С православными правящими родами мы встретимся ниже.

⁵ Латинская епископия, учрежденная Григорием IX во Владимире (1375 г.), была номинальной, пока город находился во власти Любарта Гедиминовича. Но уже в 1393 г. в Луцке был основан доминиканский монастырь, куда в 1427 г. была перенесена и епископская кафедра из Владимира (Батюшков, Вольнь, 65–66). Для Подолья была учреждена Каменецкая кафедра, а для Поднепровья – Киевская в 1433 г.

⁶ Впоследствии уже, когда об унии 1386 года серьезно вспомнили, крупных православных фамилий, которые могли бы сгруппировать простой православный народ, осталось так мало, что о резком протесте нечего было и думать. Но на первых порах Ягайловская уния и не могла быть ничем, кроме пустой формальности.

⁷ Важнейшие князья: Киевские и вместе Слуцко-Копыльские, Пинские, Кобринские и целый ряд пограничных с Москвою: Белевские, Одоевские, Воротынские, Мезецкие и др. Последний киевский князь, Семен Александрович, умер в 1471 г., сыну его Василию дано было Пинское княжество, перешедшее после по мужу сестры Василия, Александры, к кн. Ярославским. Князья кобринские пресеклись ок. 1490-х гг., пинские – 1520-х, мстиславльские – ок. 1525, Слуцкие – ок. 1600 гг. Эти князья пользовались особою близостью к вел. князю, так что даже обычные подтверждающие грамоты начинались не «Бил нам чолом», а гораздо мягче, напр.: «Князю Федору Ивановичу Ярославича. Поведаем твоей милости, иж з ласки Божое поспол с королевою нашою ее милостью на тот час есмо в добром здоровья...» Из подтверд. грамоты на владение Пинском, 1517 г., Лит. метр., Кн. Зап., XI, 8–9.

создаваемого шляхетского сословия и даже больше – само правительство, бывшее в сущности антишляхетским, принуждено было причислить их к разряду *dignitarii* – сановников и панов. Помимо этого, князья предводительствовали войском, занимали высшие должности («уряды») в государстве (кроме воеводств Виленского и Троцкого и канцлерства) входили в состав рады, высшего учреждения, составляли, в молодых годах, придворный штат великого князя, отправляли посольства и т. д.

Кроме князей, к высшему сословию причислялись паны, богатые поместьями и известные по заслугам. Они *de facto* пользовались всеми привилегиями латинской шляхты, но в народе влияние их было менее значительно: паны составляли крупную величину для правительства по преимуществу, так как они составляли главный контингент литовского правящего класса. Таковы, напр., Олизаровичи, Семашки, Стеткевичи, Ходкевичи, Иллинич, Сологубы, Солтаны, Сапеги, Хребтовичи, Боговитиновичи.

Следующую ступень составляли бояре, служилое сословие князей, первоначально заменявшее шляхту, но со временем образовавшее или привилегированное сословие «земян», впоследствии отождествленных со шляхтою, или же полупривилегированное сословие бояр панцирных и путных⁸. Земяне, составлявшие главный контингент войска, отличались замечательною приверженностью к вере и старым традициям, почему и сохраняли дольше князей и панов православие и остатки русской культуры.

Польская шляхта в 1333–1434 гг. Художник Я. Матейко

Что касается низшего слоя – ремесленников, «вольных», «похожих», тяглых, челяди, то, оставаясь безусловно верным своей народности и религии, несмотря на крайнее недовольство полонизмом с его шляхетством и крепостничеством, он долго, до половины и даже до конца XVI в., не принимал активного участия в борьбе против латино-польского прогресса; по крайней мере, данных об этом мы не имеем, кроме упоминания о возмущении Мухи на Подолье в 1492 году⁹.

Помимо сословного могущества, Русь была сильна сознанием областного единства: смоляне, полочане, витебляне, киевляне, волыняне жили на особых правах, управлялись особыми законами и обычаями, всегда помнили свои традиции, свое единство, ясно и определенно заяв-

⁸ *Obraz Litwy*, I, 118–119; ср. II, 159–163.

⁹ «...в это время некто Муха, крестьянин по происхождению (*chlopskiego rodu*), собрав 10 тысяч... грабил Русь и Подолью» (*Strykowski. Kronika*, II, 291).

ляли это в своих просьбах к великим князьям о подтверждении своих прав и преимуществ. Отдельные русские области объединялись или главным городом (Витебск), или епископом и боярами (Полоцк, Смоленск), или, наконец, епископом и главным должностным лицом области (Волынь, Киев).

Сословия и областное единство – прямое следствие образования Литовско-Русского государства¹⁰, объединялись еще двумя началами – единством языка¹¹ и религии.

Понимая все это, деятели Ягайловской унии фактически признали весь строй Руси законным. Последующие ограничения не католиков – 1400 и 1413 года – мало проводились в жизнь из боязни серьезных возмущений, так что вплоть до 1560-х годов мы не видим действительных притеснений православных с точки зрения их политической и гражданской свободы.

Если бы дело ограничивалось только ею, понятно, положение русских не заставляло бы желать особенно многого. Но краски несколько видоизменяются, когда зайдет речь о религиозной полноправности – краеугольном камне всех уний Литвы и Польши.

Религиозное деление Литовского княжества было еще более странным, чем деление национальное. Безусловное большинство населения было православным¹²; кроме всех русских, многие жмудские и особенно литовские роды были православными (Сапеги, Войны, Довойны, Воловичи, Остики и др., не говоря о мелком служилом сословии). Литва и Жмудь, языческие до Ягайло, таковыми же оставались долго после него, приняв католичество только номинально, и притом ценою потоков своей крови. Даже в половине XVI века жмудины еще имели священные дубы, пред которыми приносились жертвы, почитали различных богов, носили амулеты¹³ и далеко не все были крещены, притом не в глуши, а почти в центре государственной жизни Литвы – в местечке Скидле, неподалеку от Гродно¹⁴.

Понятно, что для католического исповедания оставалось очень немного. Действительно, так и было, но зато слабые численностью католики сильны были покровительством великих князей, местами в раде и поддержкой Польши¹⁵. Мехобий дает такое описание религиозного состава Литвы: «... в России (чит. – Литовской Руси) много сект: есть между ними религия христианская, подчиненная римскому первосвященнику; она правит и преимуществоует, хотя числом и невелика. Другая большая секта русских, населяющая всю Россию, держится греческого обряда». Упомянув об евреях, каменецких и львовских армянах, о последних замечает, что они «русские по обычаям, в церковных службах следуют грекам, но имеют собственные письма»¹⁶.

¹⁰ Как известно, собиратели Литовского государства, Гедимин, Ольгерд и Витовт, не всегда действовали оружием, почему, присоединяя русские земли *по областям*, оставляли в них все старые порядки и сословия, кроме автономии. После Ягайло сословия уже подгонялись под польские мерки и постепенно делались кастами.

¹¹ Единство языка – факт оспариваемый, говорят, что уже в летописях раннего периода встречаются особенности говоров. Не отвергая того, что начало отдельных наречий, в филологически-микроскопических отличиях, действительно относится к сравнительно раннему времени, мы сильно сомневаемся, чтобы литературный, так сказать, язык Волыни и Белоруссии XV–XVI вв. резко различались друг от друга. Вчитываясь в грамоты Витовта, Свидригайло, Казимира и Сигизмунда I, в частные записи смолянина и волынца (Arch. Sang., I и III т., Акты З. Р. I и II и Лит. метрика), мы не находим даже сравнительного различия в языке: все пишут одинаково. Первые отличия мы встречаем только со второй пол. XVI в., а между тем язык грамот не церковно-славянский, а самостоятельный – западнорусский.

¹² Речь Ласского на Латеранском соборе 1514 года. Turgenevius, Mist. Russ. Mon., I, 124.

¹³ Jaroszewicz. Obraz Litwy, III, 215, прим. 86.

¹⁴ Открытая Нарбутом надпись – Tygodnik Wileński, 1817, IV, 62 и Jaroszewicz. Obr. L., I, 29.

¹⁵ Как известно, все лучшие силы литовского католического духовенства сначала были поляками по происхождению, а потом – поляками по духу, благодаря воспитанию в Краковском университете, где было специальное отделение для литовцев. Не говорим о нравственной поддержке литовских католиков со стороны поляков (Ян Ласский).

¹⁶ Chronica regni Poloniae, Corpus Pol. hist., pag 142: «Rutheni habitu, et Ecclesiasti cis officiis Graecos insequuntur, habentque proprias litteras».

Крещение Литвы. Художник В. Цесельский

Борьба с католичеством для православных была сравнительно нетрудна, когда великий князь не проявлял себя фанатиком. При Витовте, который опирался преимущественно на русский элемент, мы не замечаем никаких притеснений православных. Занятый обращением в католичество жмуди, он направлял туда все силы латинского духовенства, которое, в свою очередь, находясь в постоянном страхе за свою жизнь в жмуди, не имело охоты раздражать Русь пропагандой латинства. Сомнительно, чтобы корректный Витовт получал возбуждение от Ягайло, последняя жена которого, София, происходила из православного рода кн. Друцких¹⁷ и, сама изменив православию, едва ли относилась к нему враждебно, Иеремия Вишневецкий мог выработаться только спустя два столетия.

Положение православно-русских резко изменяется при преемнике Витовта, Сигизмунде Кейстутьевиче, яром католике и послушном сыне латинского духовенства. Стремление Свидригайло достигнуть, подобно Витовту, великокняжеского престола при содействии русского населения окончилось неудачей: за время Витовта латинство значительно усилилось, да и небезупречный Свидригайло не мог пользоваться беззаветными симпатиями русских. Между тем, очевидно, польское католичество приходилось далеко не по душе самим литвинам-католикам: на стороне Свидригайло мы видим Яна Монивида, воеводу Троцкого, Рамбовда, маршала Великого княжества, и позднее воеводу же Троцкого Лелюша¹⁸. Эти лица не были, понятно, заинтересованы в получении высших должностей... Дело Свидригайло замечательно характерно рисует отношение русских к Сигизмунду: после жестоких поражений при Ошмяне

¹⁷ Она была дочерью киевского князя Андрея и приблизила к Ягайло многочисленную православную родню. Stryk., Kronika, II, 159, 261.

¹⁸ Первые два казнены в 1432 г. после несчастной для Свидригайло битвы при Ошмянах. Третий, вероятно, за участие в заговоре, в 1440 г. лишен Троцкого воеводства. Strykowski, II, 188 и 207.

и Вилкомире Свидригайло еще может удерживать под собою Смоленск, Волынь, Киев и набирать новые силы для новой борьбы. Феодор Острожский, посаженный в тюрьму Свидригайло, освободясь из нее бегством, вновь делается ближайшим сотрудником неблагодарного князя, наносит поражения полякам, очищает от них Подолье и Волынь, нисколько не смущаясь такою выходкой Свидригайло, как сожжение им митрополита Герасима.

Лихорадочная деятельность приверженцев Свидригайло, их готовность постоянно жертвовать за него всем и оканчивать свою жизнь, как Феодор Острожский, в иночестве, показывает, что тогда шла речь не о том, кто займет великокняжеский престол, а чье влияние будет господствующим, дело шло о будущем русского народа, русской веры, греко-русской культуры. Противники Сигизмунда Кейстутевича сражались не за сомнительную личность Свидригайло, а за его идею, идею православной Литвы и господства русских начал жизни. Они знали, что дело Свидригайло – их кровное дело и, наоборот, дело Сигизмунда – латино-польское, чуждое их нравам, законам, традициям; вот почему наряду с русскими князьями мы видим, как это ни странно на первый взгляд, высших вельмож из коренных литовцев, говоривших и писавших по-русски, живших по русскому обычаю, определявших свою деятельность по русскому праву.

Мы останавливаемся на деле Свидригайло потому, что роль его в Литве была весьма значительна: смерть его поставила крест на всех надеждах литовских русских, их религиозно-культурном поступательном движении и открыла широкий простор пропаганде латинства. Со смерти Свидригайло начался верный и быстрый прогресс латинства, который неудержимо вел к церковной унии, благо при Свидригайло уже была выработана эта формула межеумства, и те, которые приняли бы ее, по постановлению Владислава Варнского, уравнивались в правах с латинянами.

Действительно, едва Свидригайло потерял силу, как Сигизмунд, ознаменовывавший свои победы постройкою костелов¹⁹, прямо и решительно начал действовать против православных западнорусов. Но последние оказались слишком сильными, для того чтобы можно было игнорировать их законные интересы, и Сигизмунд Кейстутевич поплатился за свою ревность к латинству жизнью, как жертва заговора кн. Чарторыйских²⁰.

Таков, в кратких чертах, исторический ход жизни русской национальности в Литовском княжестве до Казимира. Мы видим, что латинствующая политика правительства еще не успела вполне развиться и проявилась только дважды, при Ягайло и Сигизмунде, показав, чего ждать от нее русскому населению. Со времени Казимира литовский престол занимают Ягеллоны, рожденные и воспитанные в латинстве, притом или в самой Польше, или под сильным польским воздействием. Наш период обнимает троих Ягеллонов: Казимира, Александра и Сигизмунда I.

Первый из них, Казимир, несмотря на польско-латинский склад своего характера и воззрений, не был, в сущности, рьяным деятелем против православия и русских, но в его продолжительное царствование латинство широко разлилось по Литве благодаря целому ряду энергичных латино-польских деятелей, сильному ослаблению великокняжеского влияния на дела Литвы, постоянной борьбе Казимира с польскими магнатами, отвлекавшей его от литовских дел, которыми заправляла католическая, по преимуществу, рада во главе с латинскими бискупами.

¹⁹ Ошмянский и Вилкомирский – в память побед под названными городами. Strujkowski, II, 188.

²⁰ Это событие, равно как и предшествующую борьбу против Сигизмунда, летописцы объясняют жестокостью последнего. Мы с этим не согласны. Князь того времени даже и не мог быть жестоким по отношению к знати из княжеской среды. Да и при чем здесь волынец кн. Чарторыйский? Сомнительно также, чтобы тысячи волынян, никогда и не видавших Сигизмунда, шли против него только из-за жестокости заключившегося в Троках князя. Вспомним Иоанна Грозного, Ягайло и Витовта... Думаем, что указание летописцев на жестокость – обычный прием решать темные вопросы, тем более что фактов жестокости летописцы не указывают, скорее – наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.